

·thebigbook·

Книги
Элиф Шафак

Сорок правил любви

Честь

Ученик архитектора

Три дочери Евы

Элиф
Шафак

*Три дочери
Евы*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
III 30

Elif Shafak
THREE DAUGHTERS OF EVE
Copyright © 2016 by Elif Shafak
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Большелаповой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-17237-1

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сумочка

Стамбул, 2016 год

Шел самый обычный весенний день, длинный и пасмурный, похожий на множество других дней в этом городе, когда она с упавшим сердцем вдруг поняла, что способна кого-нибудь убить. Она и раньше подозревала, что самые кроткие и милые женщины под давлением обстоятельств могут превратиться в разъяренных тигриц. Себя она к числу кротких и милых женщин вовсе не относила и потому считала, что потенциал ярости у нее достаточно высокий. Однако слово «потенциал» — чрезвычайно хитрое. Когда-то все твердили, что у Турции очень высокий потенциал, — и посмотрите, что из этого получилось. Так что ее потенциал ярости, возможно, никогда не проявится, успокаивала она себя.

К счастью, судьба — эта хорошо сохранившаяся скрижаль с запечатленными на ней событиями прошлого и будущего — берегла ее от неверных шагов. Все эти годы она вела добропорядочную жизнь. Она никого не обидела, никому не сделала больно, во всяком случае намеренно, — невинные сплетни, разумеется, не в счет. В конце концов, все сплетничают, и, если бы злословие было таким уж тяжким грехом, в адских котлах не хватало бы места. Если она кого-то и огорчила, то только Бога, а Бог, несмотря на свой капризный и, как всем известно, весьма переменчивый нрав,

никогда не страдает. Причинять и испытывать боль — людской удел.

В глазах родственников и друзей Назпери Налбантоглу — Пери, как ее называли все, — была прекрасным человеком. Она занималась благотворительностью, собирала деньги для бедных семей и людей, страдающих болезнью Альцгеймера, посещала дома престарелых, где состязалась с их обитателями в турнирах по триктраку, нарочно проигрывая им; всегда носила в сумочке угощение для бродячих кошек, коих в Стамбуле великое множество, зачастую даже оплачивала их стерилизацию; внимательно следила за успехами своих детей в школе, устраивала изысканные обеды для начальника и сослуживцев своего мужа; всегда постилась в первый и последний дни Рамадана, хотя и нарушала пост во все остальные дни месяца; на каждый Аид исправно покупала раскрашенного хной жертвенного барашка. Она никогда не бросала мусор на улицах, никогда не пыталась пролезть без очереди к кассе в супермаркете и даже, сталкиваясь с откровенной грубостью, никогда не повышала голоса. Она была образцовой женой, образцовой матерью, образцовой хозяйкой дома, образцовой гражданкой и образцовой современной мусульманкой.

Время, подобно искусному портному, прочно и незаметно сшило воедино два полотна, определяющие ее жизнь: ее представление о себе самой и то, что думали о ней другие. Впечатление, которое она производила на окружающих, и ее собственная самооценка соединились так неразрывно, что она больше не могла сказать, чем руководствуется в каждом своем поступке — своими желаниями или стремлением оправдать чужие ожидания. Она часто испытывала жгучую потребность взять ведро мыльной воды и дочиста отмыть

улицы, площади, правительственные здания, парламент, кабинеты чиновников, а заодно и несколько грязных ртов. В мире было столько грязи, которую следовало вычистить, столько поломок, которые следовало починить, столько ошибок, которые следовало исправить! Каждое утро, выходя из дому, она едва слышно вздыхала, словно так можно было выпустить на волю все тяготы предыдущего дня. Много лет назад Пери решила довольствоваться тем, что имеет, принимать этот мир таким, какой он есть, и хранить молчание перед лицом несправедливости. Тем не менее однажды ничем не примечательным днем она, тридцатипятилетняя благополучная и уважаемая женщина, с удивлением обнаружила, что созерцает зияющую пустоту собственной души.

Всему виной было слишком напряженное уличное движение, убеждала она себя потом. Грохот, скрежет, лязг металла напоминали боевые крики многотысячной армии. Город превратился в гигантскую строительную площадку. Стамбул вырос стремительно и бесконтрольно и продолжал расти, точно прожорливая рыба, которая уже проглотила больше, чем может переварить, но продолжает ненасытную охоту за новой добычей. Позже, вспоминая тот судьбоносный день, Пери пришла к выводу, что, не попади она в безнадежную пробку, тайные помыслы, давно дремавшие в дальнем уголке ее сознания, так никогда бы и не проснулись.

Зажатые со всех сторон разнокалиберными машинами, они с черепашьей скоростью продвигались вперед по двухполосной дороге, наполовину перегороженной перевернувшимся грузовиком. Пери нервно барабанила пальцами по рулю и то и дело переключала радио с одной станции на другую. Ее дочь с наушниками на голове сидела рядом, сохраняя скучающее

выражение лица. Подобно волшебной палочке в злых руках, пробка превращала минуты в часы, людей — в скотов, нормальных — в сумасшедших. Шумевший вокруг город не обращал на все эти чудеса никакого внимания. Одним часом больше, одним меньше — какая разница? Одним скотом больше или одним безумцем меньше — наступает момент, когда это становится совершенно не важно.

Безумие наполняло улицы, как наркотик, отравляющий кровь. Каждый день миллионы горожан принимали очередную дозу безумия, не сознавая, что они все больше и больше утрачивают душевное равновесие. Люди отказывались делиться друг с другом хлебом, но охотно делились безумием. В этой коллективной потере разума было что-то загадочное. Если галлюцинацию видит одновременно множество глаз, она становится реальностью. Если множество людей хохочет над каким-то несчастьем, оно превращается в веселую шутку.

— Прекрати обдирать заусенцы! — внезапно взорвалась Пери. — Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смела это делать!

Дениз с нарочитой медлительностью стянула наушники на шею.

— Это мои заусенцы. Что хочу, то с ними и делаю, — бросила она и отпила из бумажного стаканчика, стоявшего между сиденьями.

По дороге они заехали в «Стар борек». Против этой турецкой сети кофеен «Старбакс» постоянно возбуждал судебные иски, обвиняя ее в использовании их логотипа, их меню и искаженной версии их названия, но благодаря лазейкам в законе она продолжала работать. Они купили обезжиренный латте для Пери и двойной шоколадный фрапучино для ее дочери. Пери свой кофе давно выпила, а Дениз растягивала

удовольствие, делая крошечные глотки, точно раненая птичка. Солнце тем временем опустилось почти к линии горизонта, последние его лучи окрашивали крыши старых домов, купола мечетей и стекла небоскребов в тусклый оттенок ржавчины.

— А это моя машина, — негромко процедила Пери. — И я не хочу, чтобы ты сорила на пол обрывками своей кожи.

Едва эти слова сорвались у нее с языка, она тут же о них пожалела. Моя машина! Как глупо заявлять такое ребенку, да и кому бы то ни было. Неужели она стала одной из тех меркантильных дур, для которых ценность собственной личности равнозначна ценности принадлежащих им вещей? Этого ей бы хотелось меньше всего.

Дениз, судя по всему, материнские слова ничуть не задела. Она пожалала костлявыми плечиками, устремила взгляд в пространство и принялась энергично отдирать заусенец с очередного ногтя.

Машина рванулась вперед, но лишь для того, чтобы тут же со скрипом затормозить. Это был «ренджровер» цвета «Небо Монте-Карло», — по крайней мере, именно так оттенок именовался в каталоге продавца. В буклете предлагались и другие цвета: «Снега Давоса», «Красный восточный дракон», «Розовый песок саудовской пустыни», «Синий глянец полиции Ганы» или «Зеленые мундиры индонезийской армии». Сморщив губы в усмешке и качая головой, Пери попыталась представить себе этих пустоголовых маркетологов, которые изобретают такие названия. Интересно, помнят ли водители о том, что цвет их роскошных машин, в которых они с такой гордостью красуются, кому-то напоминает о полиции, армии или песчаной буре на Аравийском полуострове?

Как бы там ни было, по стамбульским улицам ездило много шикарных автомобилей самых разных цветов. Порой они выглядели здесь неуместно, словно холеные породистые псы, которым судьбой была уготована жизнь в ласке и неге, но они каким-то невероятным образом заблудились и теперь бродят по грязным закоулкам. Гоночные кабриолеты, не имея возможности разогнаться, издавали разочарованный рев, массивные внедорожники, несмотря на сложные маневры, не могли втиснуться в тесные места для парковки, если свободные места случайно имелись в наличии, а дорогие седаны тосковали по широким просторным дорогам, существующим лишь в далеких странах и в рекламных роликах.

— Я читала, что у нас худшее в мире дорожное движение, — заметила Пери.

— Что?

— У нас больше всего аварий и пробок. Больше, чем в Каире. Даже больше, чем в Дели.

Ни в Каире, ни в Дели она никогда не бывала. Но, как и большинство стамбульцев, Пери была твердо убеждена, что их город намного цивилизованнее, чем эти отдаленные, грязные, перенаселенные столицы. Хотя «отдаленность», как известно, понятие относительное, а определениями «грязный» и «перенаселенный» часто и заслуженно награждают Стамбул. Тем не менее этот город стоит на границе с Европой. Подобная близость что-нибудь да значит. Европа была так маняще близка, что Турция уже поставила одну ногу на европейский порог и попыталась ворваться в дверь, когда вдруг обнаружила, что проход слишком узок и, сколько бы она ни извивалась, протиснуться туда нет никакой возможности. К тому же Европа, вместо того чтобы распахнуть дверь пошире, поспешила ее тут же захлопнуть.

- Круто! — воскликнула Дениз.
- Что круто? — недоуменно переспросила Пери.
- Ну хоть в чем-то мы первые.

Реплика была вполне в духе Дениз: с недавних пор, о чем бы ни зашла речь, она всегда перечила матери. Каждое замечание Пери, сколь бы уместным и разумным оно ни было, дочь встречала с враждебностью, граничащей с ненавистью. Пери понимала, что Дениз, достигнув переходного возраста — девочке было двенадцать с половиной, — хочет освободиться от родительского и в первую очередь материнского влияния. В этом не было ничего страшного. И все же с количеством ярости, сопровождавшей этот процесс, примириться было нелегко. Дочь вскипала таким бешенством, какого Пери не испытывала ни на одном жизненном этапе, даже в подростковые годы. Сама она прошла через пубертатный период в легком смятении, сохранив при этом почти незапятнанную наивность. Да, она была совсем не таким трудным подростком, как ее дочь, хотя ее собственная мать не проявила и половины той заботы и понимания, с которыми подходила к проблеме она. Как это ни парадоксально, чем сильнее Пери страдала от злобных вспышек дочери, тем сильнее она досадовала на то, что в свое время не изводила мать подобными выходками.

— Когда доживешь до моих лет, тебя этот город тоже начнет выводить из терпения, — пробормотала Пери.

— Когда доживешь до моих лет... — передразнила Дениз. — Раньше ты так не говорила.

— Не говорила, потому что раньше было лучше!

— Нет, мама, это потому, что ты превратила себя в старуху! — заявила Дениз. — Говоришь, как они. Да и одеваешься тоже.

— А что не так в моей одежде?

Молчание.

Пери окинула взглядом свое лиловое шелковое платье и вышитый бисером муслиновый жакет. Этот комплект она купила в дорогом бутике, в новом торговом центре, угнездившемся внутри другого торгового центра, побольше, словно дитя в утробе матери. Стоило платье очень дорого. Когда она заметила, что цена непомерно высока, продавец возражать не стал — лишь слегка раздвинул кончики губ в снисходительной улыбке. «Если вы не можете позволить себе шикарных вещей, леди, зачем вы сюда пришли?» — говорила эта улыбка. Пери почувствовала себя уязвленной.

— Я возьму его! — услышала она свой голос словно со стороны.

Теперь она чувствовала, что материал вовсе не так мягок и нежен, как ей казалось вначале, да и расцветка перестала ей нравиться. Лиловый оттенок, привлечший ее в магазине своей необычностью, при дневном свете выглядел кричащим и претенциозным.

Так или иначе, переживать по этому поводу было совершенно бессмысленно — вернуться домой и переодеться она все равно не могла. Они и так уже опаздывали на обед в загородном доме одного бизнесмена, за несколько лет сделавшего колоссальное состояние, — в этом обстоятельстве, впрочем, не было ничего необычного. В Стамбуле хватало и новых богатеев, и старых бедняков, и тех, кто в одночасье из нуворишей превращался в нищего.

Пери терпеть не могла подобных сборищ, которые обычно затягивались до ночи, а утром откликались мучительной головной болью. Она предпочла бы остаться дома и провести несколько блаженных часов, погрузившись в чтение какого-нибудь романа, — именно благодаря чтению она ощущала свою связь

с мирозданием. Однако в Стамбуле роскошь уединения могут позволить себе лишь немногие. Здесь всегда подворачивается очередное важное событие, которое нужно обязательно посетить, или безотлагательная общественная обязанность, которую нужно непременно исполнить, как будто в самой нашей природе заложен детский страх одиночества, заставляющий нас постоянно собираться вместе. Много смеяться и много есть. Слушать разговоры о политике и вдыхать дым сигар. Щеголять друг перед другом нарядами и туфлями, но самое главное — дизайнерскими сумочками. Женщины держат свои сумочки с такой гордостью, словно это завоеванные в кровавых битвах трофеи. Никто не скажет, какие из них настоящие, а какие — нет. Стамбульские дамы, принадлежащие к верхушке среднего класса, страшно боятся, что их уличат в покупке подделок. Посещать сомнительные магазины, расположенные поблизости от Гранд-базара, они не отваживаются, зато приглашают продавцов к себе домой. Фургоны с затемненными окнами и забрызганными грязью номерами, хотя в остальном совершенно чистые, шныряют по богатым кварталам, словно прикатив из какого-нибудь шпионского фильма. Эти минивэны, доверху набитые подделками под «Шанель», «Луи Вуиттон» и «Боттега Венета», заезжают через задние ворота в гаражи шикарных особняков. Расчеты производятся наличными, чеки не выписываются, лишние вопросы не задаются. На следующем светском мероприятии дамы вновь будут украдкой разглядывать чужие сумочки, пытаясь выявить подделку под престижный бренд. Но эта задача по плечу лишь тем, кто обладает чрезвычайно острым зрением.

Впрочем, у женщин зрение острое. Они пристально разглядывают, изучают друг друга, стараясь выявить

недостатки и просчеты, иногда тщательно скрывае-
мые, иногда выставляемые напоказ. Чересчур яркий
маникюр, жировые складки, обвисшие животы, нака-
чанные ботоксом губы, целлюлит, заметный даже по-
сле липосакции, отросшие корни окрашенных волос,
прыщи и морщины, скрытые под толстым слоем то-
нального крема... Ни один изъян не укроется от про-
зрачного женского взгляда. Сколь бы мирным нра-
вом ни обладала женщина, попадая на светский раут,
она всегда превращается в судью и жертву одновре-
менно. Чем больше Пери думала о предстоящем ей
испытании, тем тяжелее становилось у нее на душе.

— Пойду разомну ноги, — заявила Дениз и выско-
чила из машины.

Пери немедленно закурила. Курить она бросила
лет десять назад, но в последнее время у нее вошло
в привычку носить с собой пачку сигарет и закуривать
при всяком удобном случае. Правда, она никогда не
докуривала сигарету до конца, ограничиваясь не-
сколькими затяжками. Каждый раз после этого Пери
испытывала чувство вины и отвращения и пыталась
заглушить запах дыма с помощью мятной жеватель-
ной резинки, которую ненавидела. Она всегда счита-
ла: если бы политические партии подразделялись по
вкусам жевательных резинок, мятный наверняка до-
стался бы фашизму — он был таким же полновласт-
ным, безжалостным и стерильным.

— Да тут задохнуться можно! — простонала вер-
нувшаяся Дениз. — Ты что, не понимаешь, что это тебя
убивает?

Дениз была в том возрасте, когда дети считают ку-
рильщиков чем-то вроде вампиров на воле. В шко-
ле она недавно сделала презентацию о вреде курения
и сама придумала плакат, на котором разноцветные

стрелки соединяли только что открытую пачку сигарет и свежерырытую могилу.

— Ладно-ладно, — виновато пробормотала Пери и замахала рукой, разгоняя дым.

— Будь я президентом, то сажала бы в тюрьму родителей, которые курят рядом со своими детьми. Честное слово!

— Хорошо, что ты пока не президент, — заметила Пери и нажала кнопку, открывающую окно.

Сигаретный дым вырвался наружу, закрутился в воздухе, а потом плавно и неожиданно влетел в окно стоявшей рядом машины. Теснота — вот от чего в этом городе нет никакого спасения. Всё и вся здесь располагается слишком близко. Наводняющие тротуары пешеходы спешат вперед, двигаясь единым потоком; пассажиры теснят друг друга на паромах, в автобусах и поездах метро; иногда человеческие тела едва не расплющивает от давки, а иногда они лишь слегка соприкасаются, словно семена одуванчика, несомые ветром.

В соседней машине сидели двое мужчин. Оба усмехнулись. Вспомнив, что «Дополненное руководство по мусульманскому этикету» расценивает выдыхание сигаретного дыма в лицо незнакомого мужчины как откровенное сексуальное предложение, Пери побледнела. Город, в котором она жила, напоминал штормящий океан, полный дрейфующих айсбергов — мужчин, чьи потаенные желания и намерения могут быть непредсказуемы. От женщины требовалось немало умения и ловкости, чтобы держаться от этих айсбергов как можно дальше.

Передвигаясь пешком или на машине, женщина должна была сохранять рассеянный вид и глубокую задумчивость, словно перед ее мысленным взором

вдруг оживали воспоминания далекого прошлого. Всегда и везде, где только возможно, ей следовало опускать голову, демонстрируя тем самым ничем не замутненную скромность и застенчивость, и в то же время постоянно быть начеку, дабы избежать порой смертельных опасностей большого города, не говоря уже о недвусмысленном внимании мужчин и откровенных сексуальных домогательствах. А это было совсем не просто. По мнению Пери, умение ходить, потупив взор, и одновременно быть настороже, зорко поглядывая по сторонам, вообще находилось за пределами человеческих возможностей. Она выбросила сигарету и закрыла окно, надеясь, что не возбудила в двух незнакомцах особого интереса. На светофоре загорелся зеленый свет, но это ничего не изменило. Ни одна машина не двинулась с места.

Тут она увидела бродягу, который плелся посередине дороги. Долговязый, нескладный, тощий, как ивовый прут. Впалые щеки, подбородок, покрытый сыпью, пятна экземы на руках. Наверное, один из миллионов сирийских беженцев, которые лишились всего, что у них когда-то было, сразу подумала Пери, хотя с тем же успехом нищий мог оказаться и курдом, и цыганом, да и турком тоже. А может, в нем было намешано понемногу от каждой нации. На этой земле, жители которой постоянно мигрируют, смешиваясь друг с другом, не так много людей, сохранивших этническую чистоту. Те, кто утверждает, что в их жилах течет кровь лишь одного народа, зачастую обманывают и себя, и своих детей. Стамбул — город, где обман цветет пышным цветом.

Пальто бродяги с оторванным воротником было таким замызганным, что уже ничем не выдавало свой первоначальный цвет; ноги покрывал толстый слой

засохшей грязи. Увидев окурочок со следами помады, который бросила Пери, он схватил его и жадно затянулся. Скользнув взглядом по его лицу, Пери с удивлением обнаружила, что он смотрит на нее с откровенным любопытством. Держался он развязно, почти с вызовом, словно был не бродягой, а знаменитым актером, играющим бродягу. Блестяще исполнив свою роль, он ждал аплодисментов.

Смущенная опасной близостью троих мужчин — двоих в машине и одного на дороге, — Пери резко повернулась, забыв про стакан с фрапуччино между сиденьями. В следующее мгновение пенистое содержимое оказалось у нее на коленях.

— О нет! — простонала Пери, с ужасом глядя, как темное пятно расплзается по ее дорогущему платью.

Дочь присвистнула, явно наслаждаясь ее состоянием.

— Скажешь, что это творение одного нового и очень модного дизайнера, — посоветовала она.

Пропустив издевку мимо ушей, Пери схватила свою лавандовую сумочку из страусиной кожи — изящное воплощение знаменитой модели «Биркин», безупречное в каждой детали, за исключением неправильного ударения в слове «Эрме» — увы, городские торговцы контрабандой не слишком преуспели во французском правописании. Вытянув из сумочки упаковку бумажных платков, Пери принялась тереть пятно, прекрасно сознавая, что делает только хуже. От досады она совершила ошибку, непростительную для опытного стамбульского водителя: бросила сумочку на заднее сиденье, хотя замок на дверях был открыт.

Она еще успела заметить краем глаза какое-то движение. Прямо по дороге, направляясь в их сторону, шла девочка лет двенадцати. Маленькая побирушка

выклянчивала милостыню, надеясь получить хоть несколько монет. Ветхая одежонка болталась на ней, как на вешалке. Протянув руку, девочка шла, словно по воде, не двигая верхней частью тела. У каждой машины нищенка останавливалась на несколько секунд и тащилась к следующей. Наверное, думает, раз человек не проникся жалостью сразу, ждать бессмысленно, промелькнуло в голове у Пери. Милосердие невозможно пробудить, взывая к нему с настырной настойчивостью, оно либо проявляется сразу, либо никогда.

Когда девочка поравнялась с их «ренджровером», Пери и Дениз, как по команде, отвернулись, притворившись, что не замечают ее. Но стамбульские нищие уже привыкли к подобным маневрам и знают, как поступать в таких случаях. С той стороны, куда повернули головы мать и дочь, немедленно появилась еще одна девочка, примерно тех же лет, с протянутой ладошкой.

К великой радости Пери, на светофоре в этот момент вспыхнул зеленый свет, и поток машин хлынул вперед, как вода из садового шланга. Она уже собиралась нажать на педаль газа, когда вдруг услышала, как задняя дверь машины открылась и тут же захлопнулась. Все произошло мгновенно. В зеркало заднего вида она увидела, что сумочка, валявшаяся на сиденье, исчезла.

— Воры! — охрипшим от волнения голосом закричала Пери. — У меня украли сумочку! На помощь!

Машины, стоявшие сзади, оглушительно гудели. Никому не было дела до ее несчастья, все хотели лишь одного — двигаться вперед. Никто не собирался приходить ей на помощь. После секундного раздумья Пери, вывернув руль, съехала на обочину и включила аварийные огни.

— Мама, что ты делаешь?

Она не ответила. Времени на разговоры не было. Она успела заметить, в каком направлении убежали малолетние воришки, и намеревалась догнать их во что бы то ни стало. Могучий, почти животный инстинкт твердил ей, что она просто обязана найти похитителей и вернуть то, что по праву принадлежит ей.

— Мама, да наплевать на эту дурацкую сумку! Все равно это подделка под фирму.

— Там деньги и банковские карты. И телефон!

Дениз явно нервничала. Она терпеть не могла привлекать к себе внимание. Все, чего ей хотелось, — быть серой каплей в сером море. В любой нестандартной ситуации ей становилось не по себе.

— Оставайся здесь! Запри двери и жди меня! — скомандовала Пери. — И не надо со мной спорить!

— Но, мама...

Не слушая, Пери выскочила из машины. Сразу же выяснилось, что преследовать грабителей на высоких каблуках невозможно. Недолго думая, она скинула туфли и побежала, тяжело шлепая по асфальту босыми ступнями. Дочь смотрела на нее из окна, вытаращив глаза от изумления и досады.

Пери бежала, сознавая, как нелепо выглядит в лиловом платье, как смешно подпрыгивают ее груди, как пылают щеки под взглядами десятков любопытных глаз, и все же, несмотря на всю комичность ситуации, испытывала пьянящее чувство свободы. Ей удалось сломать барьер, вырваться в некую запретную зону, неведомую и манящую. Сопровождаемая хохотом водителей и криками чаек, Пери свернула с дороги в какую-то улочку. Остановись она хотя бы на секунду, то пришла бы в ужас от собственной смелости, сообразив, что в этом грязном переулке ничего не стоит наступить босой ногой на ржавый гвоздь, битое стекло или дохлую крысу. Но пока она бежала, подобные

мысли не приходили ей в голову. Ноги, неподвластные рассудку, несли ее вперед все быстрее и быстрее. Оказалось, они хорошо помнят те времена, когда она, студентка Оксфорда, каждый день, невзирая на погоду, пробегала трусцой три-четыре мили.

В ту пору бег доставлял ей радость. Но, как и прочие радости жизни, эта тоже, увы, осталась в прошлом.

Немой поэт

Стамбул, 1980-е годы

Когда Пери была маленькой, семья Налбантоглу жила на улице Немого Поэта, в азиатской части Стамбула, в квартале, где обитали не самые состоятельные представители среднего класса. Воздух там был насквозь пропитан запахами печеных баклажанов, молотого кофе, горячих лепешек и чесночных приправ. Они вырывались из открытых окон — настолько сильные, что проникали повсюду, даже в сточные канавы и люки, и настолько острые, что свежий утренний ветер, залетая сюда, в испуге менял направление. Но местные жители не сетовали. Они просто не замечали запахов. Что касается чужаков, они забредали сюда редко. Дома здесь теснились беспорядочно, словно могильные плиты на заброшенном кладбище. Над всей улицей, подобно плотному туману, висела беспросветная скука, лишь изредка, да и то ненадолго, нарушаемая криками детей, затеявших какую-нибудь игру.

Происхождение названия улицы было овеяно легендами и слухами. Поговаривали, что она названа в память об одном знаменитом османском поэте, жившем в этих местах. Недовольный слишком скудным

вознаграждением за поэму, которую он отослал во дворец, поэт дал обет молчания, заявив, что откроет рот, лишь получив от султана достойную награду.

— Несомненно, повелитель земель Цезаря и Александра Великого, владыка трех континентов и пяти морей, тень Бога на земле, щедро изольет свои милости на смиреннейшего из своих подданных. Если же этого не произойдет, я пойму, что творения мои слишком несовершенны, и буду хранить безмолвие до конца дней своих, ибо безмолвный поэт лучше бездарного поэта.

Так якобы заявил стихотворец и погрузился в молчание, столь же полное, как молчание ночного снега. В этом не было никакого вызова — как и положено верноподданному, поэт трепетал перед своим повелителем и благоговел перед ним. Но творческая его натура жаждала похвал, признания и любви — и, разумеется, щедрой денежной награды, которая никогда не бывает лишней.

Когда об этом происшествии донесли султану, он счел подобную дерзость забавной и пообещал воздать поэту должное. Как и все тираны, к творческим людям он испытывал смешанные чувства — их общество было ему приятно, когда они держали себя в рамках, но он знал, что поведение их бывает непредсказуемо. Художники и поэты на все имеют свой взгляд — иногда это довольно занятно, иногда вызывает раздражение. Султан держал при дворе нескольких поэтов, никогда не выходивших за границы дозволенного. Они говорили что хотели, пока это не касалось государства и его законов, религии, всемогущего Аллаха и, разумеется, самого султана.

Судьба распорядилась так, что несколько дней спустя в серале вспыхнул заговор, в результате которого султана свергли, а на трон взошел его старший

Шафак Э.

Ш 30 Три дочери Евы : роман / Элиф Шафак ; пер. с англ. Е. Большелаповой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17237-1

Пери, образцовая жена и образцовая мать, отправляется на званый обед и по дороге застревает в ужасной пробке, столь характерной для Стамбула. И тут из машины какой-то бродяга похищает ее сумочку. Не раздумывая, Пери бросается в погоню. На глазах возмущенной женщины нищий вытряхивает содержимое сумочки на землю, чтобы забрать деньги, и Пери видит фотографию, где она изображена с двумя подругами и их профессором. Реликвия прошлого и любви, которую Пери отчаянно пытается забыть.

Фотография возвращает Пери в Оксфорд, когда она, девятнадцатилетняя, жаждущая любви и стремящаяся к знаниям, впервые попадает за границу. Воспоминания накрыли Пери с головой, заставили вспомнить то, что она отчаянно пытается забыть: потрясающего профессора-бунтаря и его семинар о Боге, полностью изменивший ее жизнь, скандал, который обернулся предательством и развел подруг в разные стороны. Они были такими разными — Ширин, Мона и Пери — Грешница, Правверная и Сомневающаяся.

«Три дочери Евы» — это история о вере и дружбе, любви и предательстве.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИФ ШАФАК

ТРИ ДОЧЕРИ ЕВЫ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Маргарита Ахметова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.09.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-MBB-25752-01-R